Содержание

Предисловие

11

31.12.2017–2018

15

2019

199

2020

367

Эпилог.
Под домашним арестом
(весна — осень 2020 года)

399

Когда:

31.12.2017–13.09.2020

Где (в алфавитном порядке):

Аберистви́т
Вентспилс
Гриннелл
Даугавпилс
Киев
Киркенес
Лондон
Москва
Рига
Стренчи
Нижний Новгород
Прага
Санкт-Петербург
Сент-Луис
Харьков
Чешский Крумлов
Чэнду
Эль-Нидо

CHANEL

WELLS FARGO

Xfitness
Xsolarium.cz
naše e-shopy
Xfitness
Karité.cz
605 189 822
www.xfitness.cz
fitnes
BEZ KOMPROM
SHAZOVÁNÍ / NABÍ
VÝKONY / FYZIČKA
PŘÁTELÉ / ZÁBAVA
ZDRAVÁ STRAVA

Предисловие

This is the way the world ends
This is the way the world ends
This is the way the world ends
Not with a hang but a whimper

Мы переживаем не конец существующего мира, даже не генеральный прогон армагеддона, но первую читку этой веселой пьесы про всеобщий конец всего. Обнуление жизни, которая еще совсем недавно гнала нас неведомо куда, одних манила дешевыми билетами в Болонью, других — просто возможностью выпить в компании друзей, произошло настолько быстро и настолько бесшумно, что как тут не вспомнить Т. С. Элиота? Вот так кончается мир: не взрывом, а всхлипом. Стоило двадцать лет гоняться за бородатыми придурками в начиненных взрывчаткой поясах, протестовать против вторжения X в Y и репрессий антинародного режима Z или хихикать над косноязычным бредом начальников великих держав A, B, C, как все это стало неактуальным. Совсем неактуальным.

И жизнь до начала 2020 года — а особенно до февраля этого года — кажется удивительной и далекой. Я пишу эти строки осенью 2020-го, пытаясь вообразить, что же будет происходить в 2021 году, когда ты, дорогой читатель, предположительно, их будешь читать. Соответственно, тогда, — в лучшем случае, конечно! — в 2021-м, мы будем смотреть на 2020-й как на что-то, что уже вроде не имеет к нам прямого отношения и что уже эмоционально сложно вспомнить. Конечно, никакого окончательного армагеддона не будет, только репетиция. Но внезапный стоп-кран мира, вроде нынешнего, заставляют пристальнее всматриваться в то, что поддерживает сюжет жизни, длит его, продолжает, подробнее разобраться с механизмами воспроизводства. Вот для этого нужны а) дневники, б) литература и арт вообще. Первое заставляет нас рефлексировать в каждый отдельный момент, а потом, при перечитывании из другой уже совсем перспективы, позволяет понять, что нарратив жизни все-таки продолжался и продолжается. Второе наделяет данный нарратив смыслом — в отличие от политики, новостей, щебетания в соцсетях.

Вот с такими мыслями я предлагаю свои заметки двух лет кануна Великого Карантина — плюс, в качестве эпилога, быстрые рефлексии времен само*го* домашнего ареста человечества. Предлагаю с надеждой, что ретроспективно впадание нашего мира в состояние изоляции станет хотя бы отчасти понятнее — особенно в том, что касается искусства и политики. И, конечно, мой дневник больше о симптомах, чем о диагнозе.

Я веду дневник уже почти тридцать шесть лет, чем ужасно горжусь, пусть и веду неаккуратно, с провалами иногда в год-два. Главное, что он есть, всегда под боком, ждет, когда я справлюсь с ленью, возьму ручку и напишу что-нибудь. Да-да, ручку, я веду *рукописный* дневник; когда очередная тетрадочка кончается, складирую ее к прочим; по их коллекции

можно изучать историю советской, российской, европейской, китайской писчебумажной промышленности, примерно с конца семидесятых по настоящее время.

Дневник я веду для себя, оттого и бумага с ручкой. Дисциплина вдвойне — фиксировать (это раз), фиксировать от руки, чтобы не потерять навык бытовой каллиграфии (это два). Я никогда целиком не перечитывал записанного за все эти годы; как знать, быть может, и не перечитаю никогда. То есть дневники так и сгинут после моей смерти — не взятые в качестве завершенного сюжета. Соответственно, и жизнь моя, этот пестрый сор происшествий и буковок, тоже растает без следа. Собственно, таков мой замысел. Хотя, конечно, заветные тетрадочки я не прячу в сейф; любой из окружающих может тайком открыть и прочесть пару страниц. Полагаюсь на прочность моральных устоев друзей и близких, но если кто-то и дал слабину, то ничего интересного в этих тетрадках не нашел. В юношеском дневнике, как положено, шум и ярость по поводу несовершенства мира, мечты понятного возрастного свойства и проч. Позже — уже отчеты о прочитанном, прослушанном, просмотренном; позже к ним прибавились новогодние резолюции, а также сожаления по поводу ушедших из жизни друзей и знакомых. Иногда что-то про деньги и погоду. Недавно заметил, что внутренних рецензий стало меньше, фактически они исчезли.

Последнее обстоятельство и побудило меня начать в 2018 году еще один дневник. Электронный — и не о себе и своих делах, а о мире. Но не такой, что вели братья Гонкуры, Кузмин или Лидия Гинзбург. И не бумажный, а айпэдный. Со вторым обстоятельством все ясно: я везде таскаю с собой это великое изобретение компании Apple. В него вношу всякие заметки о наблюдаемом. Вот и подумал: не организовать ли их хронологически? Why not? Теперь — что касается «о чем».

Меня уже давно занимает такая нехитрая мысль: мир, в котором мы живем, есть не театр, как утверждал Шекспир, а арт-объект, причем объект именно contemporary art. Если внести немного теологии, то еще и объект концептуального искусства: мы придумали Бога, который, подобно «персонажному автору» московских концептуалистов, управляет миром, предварительно смастерив его. В моих словах никакого богохульства: ведь если Бог есть, то он уж точно играет в совсем иную игру, не так ли?

В общем, если Ролан Барт в «Мифологиях» осветил ровным светом галльского рацио семиотику повседневной жизни, то я, будучи гораздо скромнее (и не будучи галлом, конечно), просто думаю обо всем, что вижу, слышу, читаю, ощущаю, как о феномене — уж простите за высокий слог, тут другого слова не подобрать — contemporary art. Тут не старая добрая «эстетизация мира», отнюдь, скорее, наоборот, деэстетизация искусства. Еще проще: я пытаюсь увидеть жизнь как хронологически организованное пространство, территорию, причем территорию арта, арт-территорию, по которой — переиначим известное высказывание одного обер-прокурора Синода — бродит любопытствующий человек. Ниже — заметки этого бродяги об увиденном и подуманном по дороге. По дороге, как оказалось, в карантин.